

Научная статья

УДК 347.9

DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-2-36-44

Банкротство – форма принудительного погашения задолженности

Владислава Игоревна Бояринова

Михаил Сергеевич Берилло

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

v.boyarinova@inbox.ru

mberillo@mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается вывод о том, что банкротство следует квалифицировать не как разновидность исполнительного производства и не как форму принудительного исполнения судебного акта в узком смысле, а как самостоятельную судебную форму принудительного погашения задолженности. Показано, что правовая природа банкротства определяется совокупностью следующих признаков: коллективным характером удовлетворения требований, универсальным охватом имущества должника, судебным контролем, пропорциональностью распределения конкурсной массы и необходимостью соблюдения баланса частных и публичных интересов. Сделан вывод, что тезис о недопустимости подмены исполнительного производства банкротством должен пониматься не как универсальная обязанность кредитора предварительно исчерпать индивидуальные способы взыскания, а как предел, направленный на пресечение недобросовестного использования процедуры несостоятельности. Банкротство тем самым занимает самостоятельное место в системе мер государственного принуждения: оно служит той же цели принудительного удовлетворения требований, но реализует ее посредством иной, коллективной процессуальной модели.

Ключевые слова

несостоятельность (банкротство), исполнительное производство, принудительное погашение задолженности, правовая природа банкротства, требования кредиторов, злоупотребление правом, баланс интересов

Для цитирования

Бояринова В. И., Берилло М. С. Банкротство – форма принудительного погашения задолженности // Юридическая наука и практика. 2026. Т. 22, № 2. С. 36–44. DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-2-36-44

Bankruptcy as a Form of Compulsory Debt Repayment

Vladislava I. Boyarinova, Mikhail S. Berillo

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

v.boyarinova@inbox.ru

mberillo@mail.ru

Abstract

The article substantiates that bankruptcy should be qualified not as a variety of enforcement proceedings and not as a form of enforcement of a judicial act in the narrow sense, but as an independent judicial form of compulsory debt repayment. The legal nature of bankruptcy is shown through a set of features: the collective satisfaction of creditors' claims, the universality of the bankruptcy estate, judicial control, proportional distribution and the need to balance private and public interests. It is argued that the thesis that bankruptcy must not substitute enforcement proceedings should be understood not as a general duty to exhaust individual enforcement measures before filing a bankruptcy petition, but as a

© Бояринова В. И., Берилло М. С., 2026

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2026. Т. 22, № 2

Juridical Science and Practice, 2026, vol. 22, no. 2

limit aimed at preventing bad-faith use of insolvency procedures. Bankruptcy thus occupies an independent place within the system of state coercive measures: it serves the same purpose of compulsory satisfaction of claims, but achieves it through a different, collective procedural model.

Keywords

insolvency (bankruptcy), enforcement proceedings, compulsory debt repayment, legal nature of bankruptcy, creditors' claims, abuse of right, balance of interests

For citation

Boyarinova V. I., Berillo M. S. Bankruptcy as a form of compulsory debt repayment. *Juridical Science and Practice*, 2026, vol. 22, no. 2, pp. 36–44. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-2-36-44

Дискуссия о том, является ли банкротство способом принудительного погашения задолженности, не нова. На практике банкротство нередко используется как способ воздействия на фактически платежеспособного должника и может быть эффективным инструментом понуждения к погашению задолженности: стремясь сохранить возможность участия в хозяйственном обороте, должник, как правило, погашает долг либо с подачей заявления о банкротстве, либо после публикации соответствующего сообщения о намерении. При этом судебная практика неоднородна: в одних случаях суды подчеркивают, что банкротство не должно подменять собой принудительное исполнение судебного акта, в других – прямо описывают банкротство как одну из форм принудительного механизма удовлетворения требований. Цель настоящей статьи состоит в определении правовой природы процедуры банкротства как формы принудительного погашения задолженности и в выявлении границ в ее сопоставлении с исполнительным производством.

В современной юридической литературе проблема рассматривается по нескольким взаимосвязанным направлениям. В процессуальном аспекте исполнительное производство анализируется как базовая модель принудительной реализации юрисдикционного акта [1, с. 17–21]. В доктрине последовательно разграничивается собственно понятие банкротства и структура отношений, регулируемых банкротным правом, зачастую показывая, что речь идет не об одном обязательстве, а о системе частных и публичных связей, возникающих по поводу общей неплатежеспособности должника [2, с. 21–34; 3, с. 94–107]. Например, С. А. Карелина акцентирует значение баланса интересов участников отношений несостоятельности [4, с. 40–47]. А. Л. Белоусов рассматривает банкротство как самостоятельный институт, эволюционирующий сообразно тому, как меняются задачи правового регулирования: процедура банкротства является одним из главных инструментов урегулирования разногласий по поводу задолженности между кредиторами и должником [5, с. 995]. П. М. Морхат обосновывает необходимость более широкой концепции банкротного права, не сводимой к обязательственному праву [6, с. 11]. В коллективной монографии под редакцией С. А. Карелиной и И. В. Фролова особое внимание уделяется многофункциональности механизмов банкротства и их роли в обеспечении благополучного развития общества [7, с. 275]. Е. А. Храпунова показывает, что границы допустимого поведения кредиторов в деле о банкротстве должны выводиться из назначения самой процедуры и из запрета злоупотребления правом: угрозу несправедливого распределения конкурсной массы должника создает недобросовестное поведение кредиторов в делах о банкротстве [8, с. 79–85]. В то же время вопрос о том, позволяет ли совокупность этих признаков квалифицировать банкротство как самостоятельную форму принудительного погашения задолженности, а не как разновидность исполнительного производства, нуждается в дополнительном уточнении.

Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» закрепляет традиционную модель принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов, основанную на индивидуальном характере взыскания, а также на связи конкретного

исполнительного документа с совершаемыми мерами принудительного исполнения¹. Исполнительное производство, по существу, представляет собой стадию реализации уже присужденного права, следующую за судебным разбирательством: в этой логике принудительное взыскание разворачивается в интересах конкретного взыскателя и строится вокруг инструментария обращения взыскания на имущество должника при процессуальном посредничестве службы судебных приставов.

Эта «индивидуальная» модель важна как точка сравнения: именно по отношению к ней в доктрине и практике формируется вопрос о том, допускается ли и в какой мере «перенос» принудительного удовлетворения требований в коллективную плоскость банкротства без предварительного прохождения стадии исполнительного производства.

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² исходит из иной логики. Банкротство запускается не ради изъятия у должника строго определенного актива в пользу одного кредитора, а ради выявления общего имущественного состояния должника, консолидации требований, формирования конкурсной массы и распределения выручки по правилам очередности и пропорциональности. Поэтому в центре процедуры находится не единичное требование, а режим коллективного удовлетворения множества требований при одновременном судебном контроле за действиями должника, кредиторов и арбитражного управляющего. В этом проявляются два ключевых свойства банкротства: универсальность имущественного охвата и коллективность удовлетворения требований.

Правовая природа банкротства по-разному определяется представителями российской доктрины. При этом лишь часть подходов описывает процедуру через ее цели и результаты, сопоставляя ее с механизмами принудительного взыскания. Так, Е. Д. Суворов, характеризуя банкротство, среди прочих подходов указывает на возможность рассматривать его как разновидность исполнительного производства [2, с. 22], ссылаясь при аргументации в том числе на Г. Ф. Шершеневича, который придерживался аналогичной позиции [9, с. 150].

Схожая логика прослеживается и в более широком сравнительно-историческом контексте. В дореволюционной и зарубежной литературе был распространен подход, согласно которому конкурсный процесс понимается как форма исполнительного процесса относительно всего имущества должника (*general execution*). Именно так оценивал конкурс Бар, на которого ссылается А. Х. Гольмстен. При этом он примыкал к теории исполнительной силы судебного решения, в рамках которой в общую конструкцию принудительного взыскания включается институт оспаривания сделок должника (*actio Pauliana*) [10, с. 48–49]. Иными словами, конкурсное оспаривание сделок выступает как элемент той же логики принудительного исполнения присужденного требования, но перенесенный в коллективную плоскость, где оспаривание сделок выступает как специальное средство подготовки и расширения базы для будущего удовлетворения требований кредиторов; реализация имущества и распределение выручки в конкурсном производстве представляет собой «коллективное» исполнение, где вместо судебного пристава действует арбитражный управляющий под контролем собрания кредиторов и суда; процедура банкротства в целом соответствует форме принудительного удовлетворения требований, но построенной на принципах коллективности, универсальности и приоритета равенства кредиторов (*pari passu*).

Представляется обоснованным квалифицировать банкротство как один из способов принудительного погашения задолженности. Во-первых, цель кредитора в процедуре банкротства, как правило, связана с получением денежных средств от должника. Во-вторых, удовлетворение требований в рамках процедур банкротства (за исключением мирового соглашения) не носит добровольного характера, а значит, относится к сфере принудительного воздействия.

¹ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

Правовая природа банкротства, на наш взгляд, раскрывается через совокупность признаков. Во-первых, банкротство носит принудительный характер, поскольку удовлетворение требований кредиторов в реабилитационных и ликвидационных процедурах осуществляется не по свободному усмотрению должника, а в силу установленного законом порядка. Во-вторых, оно имеет коллективную природу: индивидуальное требование преобразуется в элемент общего конкурсного порядка. В-третьих, банкротство аккумулирует все обязательства должника и все его имущество. В-четвертых, в данной процедуре сочетаются частные и публичные начала: защите подлежат интересы кредиторов, при этом обеспечивается стабильность оборота, соблюдается баланс интересов его участников. В-пятых, банкротство предполагает судебный контроль, выходящий за пределы обычного контроля за исполнением судебного акта. Совокупность указанных признаков позволяет квалифицировать банкротство именно как самостоятельную форму принудительного погашения задолженности.

Именно из совокупности указанных признаков следует и более точный вывод о соотношении категорий «принудительное исполнение», «исполнительное производство» и «банкротство». Принудительное исполнение в широком смысле охватывает различные процессуальные формы государственного воздействия, направленные на достижение результата вопреки отсутствию добровольного исполнения. Исполнительное производство представляет собой одну из таких форм, но не исчерпывает их полностью. Банкротство также относится к сфере принудительного удовлетворения требований, однако реализует эту функцию через иную процессуальную модель. В этом смысле показателен подход И. В. Фролова, который применительно к банкротству граждан подчеркивает самостоятельность и относительную автономность функционирования соответствующего правового института [11, с. 39–40]. Следовательно, понятия «принудительное погашение задолженности» и «исполнительное производство» не тождественны, а банкротство не может считаться разновидностью последнего только потому, что обе процедуры направлены на удовлетворение имущественных требований.

В пользу понимания банкротства как способа принудительного погашения задолженности указывает и судебная практика, в которой подчеркивается самостоятельность процедуры как механизма удовлетворения требований. В частности, во введении процедуры банкротства отказывается, если кредитором пропущен трехлетний срок на предъявление исполнительного листа к взысканию; при этом суды характеризуют банкротство как «особый способ удовлетворения требования, минуя органы принудительного исполнения судебных актов»³ (аналогичные выводы формулируются и в отношении отдельных категорий непредъявленных ко взысканию требований уполномоченных органов⁴), а также как «ординарный способ погашения задолженности»⁵. Стоит отметить, что погашение задолженности, осуществляемое под контролем суда и при участии независимого арбитражного управляющего, носит принудительный характер.

Конституционный Суд РФ в Определении от 29.03.2016 № 529-О сформулировал тезис, получивший устойчивое применение в последующей практике: применяемые в деле о банкротстве процедуры не должны подменять собой процедуры, предусмотренные Федеральным законом «Об исполнительном производстве»⁶. Данная формула была воспринята и развита арбитражными судами неоднозначно.

В одних делах суды прекращают производство по заявлению о банкротстве гражданина, устанавливая, что кредитор не обращался в службу судебных приставов и, следовательно, не исчерпал способы индивидуального взыскания: «институт банкротства не является аль-

³ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 05.09.2025 по делу № А40-62847/025.

⁴ Пункт 11 «Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства», утв. Президиумом ВС РФ 20.12.2016.

⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.01.2026 по делу № А45-10157/2025.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 29.03.2016 № 529-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки М.».

тернативой исполнительному производству, а служит экстраординарным и исключительным способом прекращения обязательств должника в ситуации, когда иные способы и источники погашения задолженности исчерпаны⁷. В других делах суды указывают, что «кредитор не подтвердил, что защита прав и законных интересов кредитора невозможна иным способом (в рамках исполнительного производства)»⁸.

Такой подход, однако, вызывает существенные возражения. Формальное обращение в службу судебных приставов с целью взыскать задолженность не должно ставиться в обязанность кредитору как универсальное условие допустимости заявления о банкротстве. Сам по себе факт подачи заявления о возбуждении исполнительного производства не означает ни реальной эффективности взыскания, ни достаточности предпринятых мер; при этом критерий достаточности носит абстрактный характер и неизбежно порождает неопределенность: достаточно ли подать заявление или требуется заявлять ходатайства, обжаловать бездействие судебного пристава-исполнителя; достаточно ли ожидать результатов взыскания несколько месяцев или должен пройти более длительный срок. Например, О. М. Свириденко предлагает допускать инициирование кредитором дела о банкротстве только после окончания исполнительного производства в связи с невозможностью взыскания [12, с. 19–20]. Подобная модель, однако, фактически превращает банкротство в резервную стадию индивидуального взыскания и требует самостоятельного обоснования с точки зрения целей законодательства о несостоятельности.

Сам по себе выбор кредитором одного из двух способов защиты при наличии установленных законом критериев: возбуждение исполнительного производства либо инициирование дела о банкротстве не может рассматриваться как злоупотребление правом, поскольку представляет собой реализацию предусмотренного законом механизма защиты. Баланс интересов в этой сфере должен обеспечиваться не ограничением активности кредитора через введение не предусмотренных законом предпосылок, а процессуальными возможностями должника.

С учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 должник вправе возражать против введения процедуры несостоятельности, опровергая неплатежеспособность и доказывая суду, что платежеспособность может быть восстановлена в разумный срок⁹. Такой подход отвечает назначению банкротства не только как ликвидационной, но и как реабилитационной процедуры.

Постановка вопроса о необходимости доказывать исчерпание мер индивидуального взыскания на стадии рассмотрения обоснованности заявления о банкротстве представляется излишней и по формальным основаниям. Положения статей 39, 213.5 Закона о банкротстве не предусматривают представление документов, подтверждающих предварительное обращение к приставам, в качестве обязательного приложения к заявлению. Следовательно, трансформация соответствующего критерия в универсальную предпосылку допустимости заявления вступает в противоречие с конструкцией закона и переносит оценку в сферу усмотрения.

Довод о недопустимости замены банкротством исполнительного производства справедлив прежде всего для ситуаций, когда банкротство преследует цель, отличную от получения удовлетворения по денежному требованию. В тех же случаях, когда цель кредитора состоит в получении денежных средств от должника, само по себе избрание процедуры банкротства не должно оцениваться как неправомерное только потому, что теоретически возможно индивидуальное взыскание.

Вместе с тем выявление истинной цели подачи заявления о банкротстве на практике затруднительно. Представляется, что при подаче заявления не аффилированным с должни-

⁷ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 31.03.2024 по делу № А40-295022/2023.

⁸ Определение Арбитражного суда Ульяновской области от 22.10.2024 по делу № А72-7374/2024.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)».

ком лицом эти обстоятельства, как правило, не должны становиться предметом углубленного выяснения. Иная ситуация складывается при наличии возражений иных кредиторов либо при наличии признаков конфликта интересов и недобросовестного процессуального поведения заявителя.

В подобных спорах, как правило, приводятся доводы о корпоративном конфликте; тогда суды исследуют поведение кредитора: предпринимал ли он разумные меры по взысканию, какова структура его требований, какова связь между спором и корпоративным конфликтом, не игнорирует ли он очевидные способы погашения долга¹⁰. При этом сам по себе корпоративный конфликт не является основанием для отказа в удовлетворении заявления о признании должника банкротом при наличии критериев неплатежеспособности и неисполнения обязательств. Однако недопустимо использовать банкротство исключительно как средство давления в корпоративном споре при игнорировании очевидных способов погашения задолженности; в таких случаях возможно признание действий заявителя злоупотреблением правом и отказ в защите.

В российской доктрине высказывались предложения законодательно закрепить обязательность предварительного использования кредитором всех возможностей обычного взыскания. Так, Е. Ю. Пустовалова предлагает установить, что право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом должно быть обусловлено принятием кредитором исчерпывающих мер по получению задолженности в обычном порядке, т. е. через исполнительное производство [13, с. 14–16]. Схожие мотивы прослеживаются и в работах, трактующих право на инициирование дела о банкротстве как субъективное частное право кредитора, реализация которого должна подчиняться общему принципу добросовестности и запрету злоупотребления.

Однако жесткое подчинение банкротства исполнительному производству вызывает ряд возражений:

- во-первых, это противоречит законодательству: законодатель допускает возбуждение дела о банкротстве при наличии установленных критериев неплатежеспособности или недостаточности имущества, не связывая это с обязательным прохождением стадии исполнительного производства;
- во-вторых, в большинстве случаев при очевидном разрыве между активами и обязательствами и множественности кредиторов обращение к классическому исполнительному производству заведомо неэффективно и лишь откладывает неизбежное банкротство;
- в-третьих, такая модель фактически превращает банкротство в резервную стадию принудительного исполнения, что противоречит назначению банкротства не только как ликвидационной, но и как реабилитационной процедуры.

Следовательно, аргумент о недопустимости подмены индивидуального взыскания процедурой банкротства целесообразно рассматривать не как универсальный запрет на инициирование дела о банкротстве при наличии потенциальной возможности индивидуального взыскания, а как правовой механизм, направленный на пресечение недобросовестного использования института банкротства в тех случаях, когда соответствующая процедура применяется для достижения несвойственных ей целей и тем самым нарушает баланс интересов участников гражданского оборота.

В ряде дел Верховный Суд РФ специально подчеркивал, что принудительное исполнение судебных актов, касающихся денежных требований к должнику, должно осуществляться либо в рамках исполнительного производства, либо в рамках дела о банкротстве, но не параллельно¹¹. Такая позиция отражает различие конструкций и предохраняет процедуры от взаимного дублирования.

¹⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.05.2024 № 301-ЭС21-23374(4) по делу № А43-230/2021.

¹¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298(2).

С точки зрения кредитора банкротство и исполнительное производство предоставляют разный набор инструментов принудительного воздействия. По сравнению с индивидуальным взысканием в исполнительном производстве банкротство нередко ухудшает положение отдельного кредитора за счет включения требования в реестр и распределения выручки по очередям и пропорционально, трансформации обращения взыскания на строго определенный ликвидный актив в общий порядок реализации конкурсной массы, а также того, что от момента инициирования дела о банкротстве до фактического распределения денежных средств из конкурсной массы могут пройти годы.

В то же время в ряде случаев именно процедура банкротства обеспечивает кредиторам доступ к инструментам принудительного удовлетворения требований, отсутствующим в механизме индивидуального исполнительного производства: оспаривание сделок должника с возвратом активов в конкурсную массу, привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих лиц и координированное удовлетворение требований множества кредиторов, нивелирующее эффект приоритета «первого взыскателя». В этой части банкротство проявляет свою специфику как коллективный механизм принудительного погашения задолженности, ориентированный на универсальность конкурсной массы и на равенство кредиторов в пределах установленных законом очередностей.

Таким образом, банкротство может быть определено как способ принудительного погашения задолженности, поскольку удовлетворение требований в рамках процедуры носит принудительный характер и обеспечивается процессуальной конструкцией судебного контроля. Вместе с тем банкротство не тождественно исполнительному производству и не является его разновидностью в узком смысле, поскольку отличается коллективной природой, универсальным охватом имущества должника и принципом пропорционального удовлетворения требований.

Недопустимость подмены исполнительного производства банкротством следует понимать не как формальное условие предварительного исчерпания мер индивидуального взыскания, а как предел осуществления права на инициирование дела о банкротстве. Данный предел действует лишь в тех случаях, когда процедура несостоятельности используется не по своему назначению и приобретает характер недобросовестного процессуального воздействия на должника или иных участников оборота.

Список литературы

1. **Брановицкий К. Л., Бурачевский Д. В., Долганичев В. В. и др.** Исполнительное производство: учебник; под ред. В. В. Яркова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 558 с.
2. **Суворов Е. Д.** К вопросу о понятии банкротства // *Lex Russica (Русский закон)*. 2020. Т. 73, № 11. С. 21–34.
3. **Суворов Е. Д.** Структура отношений, регулируемых банкротным правом // *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2021. № 11 (87). С. 94–107.
4. **Карелина С. А.** Правовые проблемы обеспечения баланса интересов участников отношений несостоятельности (банкротства): тенденции правоприменения // *Предпринимательское право*. 2024. № 2. С. 40–47.
5. **Белоусов А. Л.** Институт банкротства в Российской Федерации: становление и пути развития правового обеспечения // *Russian Journal of Economics and Law*. 2024. Т. 18, № 4. С. 993–1006.
6. **Морхат П. М.** К вопросу о концепции банкротного права в российской юрисдикции // *Предпринимательское право*. 2024. № 1. С. 10–17.
7. **Бобылева А. З., Горев Д. Е., Зайцева Ю. А. и др.** Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: моногр.; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. 312 с.

8. **Храпунова Е. А.** Правовая природа недобросовестного поведения кредиторов в делах о банкротстве и способы противодействия // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12, № 3. С. 78–85.
9. **Шершеневич Г. Ф.** Конкурсный процесс. 3-е изд. М.: Статут, 2021. 477 с.
10. **Гольмстен А. Х.** Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе. СПб., 1893 (переизд.: М.: Издание книг. ком, 2019. 264 с.).
11. **Фролов И. В.** Институциональная теория правового регулирования несостоятельности и банкротства граждан: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 700 с.
12. **Свириденко О. М.** Концепция несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации: методология и реализация: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 416 с.
13. **Пустовалова Е. Ю.** Особенности исполнения обязательств в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 203 с.

References

1. **Branovitskiy K. L., Burachevskiy D. V., Dolganichev V. V. et al.** Enforcement Proceedings: Textbook. Edited by V. V. Yarkov. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Statut publ., 2023. 558 p. (in Russ.)
2. **Suvorov E. D.** On the Concept of Bankruptcy. *Lex Russica (Russian Law)*, 2020, vol. 73, no. 11, pp. 21–34. (in Russ.)
3. **Suvorov E. D.** The Structure of Relations Regulated by Bankruptcy Law. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2021, no. 11 (87), pp. 94–107. (in Russ.)
4. **Karelina S. A.** Legal Problems of Ensuring the Balance of Interests of Participants in Insolvency (Bankruptcy) Relations: Trends in Law Enforcement. *Entrepreneurial Law*, 2024, no. 2, pp. 40–47. (in Russ.)
5. **Belousov A. L.** The Institution of Bankruptcy in the Russian Federation: Formation and Directions for the Development of Legal Regulation. *Russian Journal of Economics and Law*, 2024, vol. 18, no. 4, pp. 993–1006. (in Russ.)
6. **Morkhat P. M.** On the Concept of Bankruptcy Law in the Russian Jurisdiction. *Entrepreneurial Law*, 2024, no. 1, pp. 10–17. (in Russ.)
7. **Bobyleva A. Z., Gorev D. E., Zaytseva Yu. A. et al.** Bankruptcy Mechanisms and Their Role in Ensuring Human Well-Being: Monograph. Executive editors S. A. Karelina, I. V. Frolov. Moscow: Yustitsinform, 2022. 312 p. (in Russ.)
8. **Khrapunova E. A.** The Legal Nature of Bad-Faith Behavior of Creditors in Bankruptcy Cases and Means of Counteraction. *Bulletin of the Law Faculty of Southern Federal University*, 2025, vol. 12, no. 3, pp. 78–85. (in Russ.)
9. **Shershenevich G. F.** Bankruptcy Proceedings. 3rd ed. Moscow, Statut publ., 2021. 477 p. (in Russ.)
10. **Golmsten A. Kh.** The Doctrine of the Creditor's Right to Challenge Legal Acts Performed by the Debtor to the Creditor's Detriment in Contemporary Legal Literature. St. Petersburg, 1893 (reprint: Moscow: Izдание Knig Kom, 2019. 264 p.). (in Russ.)
11. **Frolov I. V.** Institutional Theory of the Legal Regulation of Insolvency and Bankruptcy of Citizens: Doctor of Sciences (Law) dissertation. Moscow, 2023. 700 p. (in Russ.)
12. **Sviridenko O. M.** The Concept of Insolvency (Bankruptcy) in the Russian Federation: Methodology and Implementation: Doctor of Sciences (Law) dissertation. Moscow, 2011. 416 p. (in Russ.)
13. **Pustovalova E. Yu.** Specific Features of the Performance of Obligations in Insolvency (Bankruptcy) Legislation: Candidate of Sciences (Law) dissertation. Moscow, 2002. 203 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Бояринова Владислава Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Новосибирского государственного университета

Берилло Михаил Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Новосибирского государственного университета

Information about the Authors

Vladislava I. Boyarinova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law, Novosibirsk State University

Mikhail S. Berillo, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редакцию 25.03.2026;
одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 13.04.2026*

*The article was submitted 25.03.2026;
approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 13.04.2026*